

Волчья шкура*Юрию Извекову*

Сумрак мягкий, как шёлк,
и листва шелестит на ветру.
Умирающий волк
забывается глубже в нору.
Чья нора – не понятно,
да и важно ли, кто её рыл,
волку верить приятно:
он к логову путь не открыл.
Боль нутро вынимает,
боль последние силы крадёт,
волк уже понимает,
что его неминуемо ждёт
Молодой и отважный,
как он мог не заметить беды?
Волка мучает жажда -
ну, хотя бы глоточек воды!
Он к реке и спускался,
где берег песчаный полог,
он охотника видел,
тот водой наполнял котелок .
Днём нещадно палило,
тоже мучился жаждой, видать,
хоть ружьишко и злило –
не стал на него нападать...
Да расслабился рано,
так бывает с волками порой.
Выстрел грянул нежданно,
а следом смертельный, второй...
Но ушёл по бурьяну,
темнотой от убийцы храним,
если целил не спяну,
значит, утром вернётся за ним.
С ней беда не случится,
беда от неё далека.
Волк не знал, что волчица
рванулась к стоянке стрелка,
через лес, через лодку,
что бесхозно сгниёт у реки,
чтоб вонзить ему в глотку
свои молодые клыки...
с третьим выстрелом вровень -
погибший мгновенно стрелок,
вскинув горестно брови,
упал на взведённый курок...
Видно, мало в природе
свободной воды и земли!..
Егеря при обходе
всех троих, ужаснувшись, нашли.
Что ж... Труды не пропали,
зря на них в кабинетах ворчат.
А волков закопали
ради их нерождённых волчат.
Покурили в сторонке,
поздно парня за дурость корить:
он беременной жёнке
волчью шкуру хотел подарить.

Колыбельная

Убежали сны,
всё так просто.
Лишь большой луны
яркий фосфор.
Будет, нет ли толк?
Постель горяча.
Бродит чёрный волк,
лапу волоча.
Никнет головой.
В чистом поле
слышен долгий вой,
выплеск боли.
Белый снег идёт,
дождь ли каплет,
а детёныш ждёт
папу.
Ждёт. Глаза темны.
Ждёт. И точка.
Фосфором луны
светит ночка.
Скоро ли восход?
Тьма... утонешь...
Папочка придёт.
Спи, детёныш.

Дмитрий СОСНОВ**Волк**

Любой шакал неминуемо струсит,
Встречаясь взглядом с матёрым волком,
И слабое сердце с трепещущим пульсом,
Скорее всего, будет склёвывать ворон.

Тут дело не только в длине клыков и
Силе лап. Важнее – другое:
Их души различны – по сути – в корне:
Один был допущен, другой создан Богом.

Поэтому можно высокопарность
Оставить и заявить откровенно –
Тому, кто так склонен заглатывать падаль,
Природа и власти большой не доверит.

Лишь тот, кто во имя жизни с любовью
Готов свою жизнь под удар поставить,
Питаясь вражьей свежей кровью,
Не может быть злобой её отравлен.

Вот так же мне, защищая счастье,
Возможно, придется свирепо скрипнуть
Зубами, чтоб поскорее умчался
Тот, кто ворует его. Со вскриком.

Ужаса.
Даже без капельки фальши –
И пусть прокричат вослед ему строфы:
«Уйди добром – и как можно дальше –
Под страхом собственной катастрофы».